

АН СССР

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
ТРАДИЦИОННОЙ
ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДОВ КАВКАЗА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ**

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
ТРАДИЦИОННОЙ
ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДОВ КАВКАЗА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ**

Выпуск 1

МОСКВА 1990

- 85 Там же. С. 41.
86 Полевые материалы ... Л. 3.
87 Там же.

Ю. М. Б о т я к о в

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА СЕДАНТАРИЗАЦИИ- НОМАДИЗАЦИИ У ТУРКМЕН В СЕРЕДИНЕ XIX в.

В конце XIX в., с момента вхождения Туркмении в состав Российского государства, появляются многочисленные письменные свидетельства, касающиеся вопросов истории и этнографии туркмен. Путевые заметки и докладные записки офицеров и чиновников, непосредственных участников и наблюдателей событий, протекавших на территории Туркмении в середине-конце XIX в., включают в себя, как правило, и описание аламанов - военного набега с целью захвата добычи. К сожалению, эти сообщения, за редким исключением, не содержат детального анализа аламана как явления социального. Авторы ограничивались обычно описанием наиболее ярких его черт. Неверным было бы, однако, считать, что внимание уделялось исключительно изображению сцен набега. Генерал Н.И.Гродеков, например, в своем труде "Война в Туркмении" стремился дать объективную оценку причин распространения аламана у туркмен.¹ Тем не менее в целом преобладало мнение, согласно которому аламан рассматривался как практически единственный и любимый род деятельности всего взрослого мужского населения.²

В современных этнографических работах по Средней Азии сложилась иная точка зрения об институте аламана у туркмен. Одной из первых работ по данному вопросу является статья академика А.А.Рослякова "Аламаны".³ В результате своих исследо-

ваний автор приходит к следующей оценке социальной базы аламанов. Организатором их выступает исключительно родоплеменная верхушка. Число лиц, заинтересованных в проведении набега, - узкий круг наиболее приближенных ко двору хивинского хана военных вождей - сардаров, опиравшихся на отряды нукеров. Львиная доля добычи, поступающей в ходе проведения набега, распределялась между ханом и вождями военных отрядов, т.е. аламан представляется явлением, практически не распространенным среди широких слоев населения. Следовательно, оценка, которую давали аламану дореволюционные авторы, и оценка Рослякова выражают две полярные точки зрения относительно социальной базы этого института. Надо отметить, что материал, использованный Росляковым для реконструкции аламана, относится главным образом к событиям, протекавшим в районе Северной Туркмении, а йомуды, как и другие малочисленные племена, населявшие эту территорию, находились в иных социально-экономических и политических условиях по сравнению с основным массивом туркменского населения. Северные туркмены, связанные с хивинским ханом узами вассальной зависимости, составляли ядро войска феодального среднеазиатского государства, поэтому набег феодала с отрядом нукеров, описание которого дает Росляков, можно считать лишь одной из разновидностей аламана.

Одним из самых надежных путей выявления социальной базы аламана нам представляется рассмотрение той социально-экономической ситуации, которая сложилась в Туркмении к середине XIX в. Изучение хозяйственного развития туркменских племен должно привести к определению тех слоев туркменского общества, представители которых явились бы потенциально наиболее вероятными участниками набега. Ниже будет рассмотрен один из важнейших этапов социально-экономического развития туркменского общества - процесс оседания кочевых групп туркменских племен. Наша задача в рамках этой проблемы ограничивается рассмотрением института аламана.

Как известно, при занятии скотоводством в аридной зоне кочевые и полукочевые народы сталкивались со значительными трудностями. Тем не менее экологические особенности Туркме-

нии создавали дополнительные сложности, которые позволяют выделить туркменскую модель на общем фоне скотоводов степного пояса.

З.Г.Фрейкин, обращаясь к описанию физико-географических условий, в которых развивалось скотоводческое хозяйство туркмен середины XIX в., отмечал: "Своеобразие пустынной растительности показывает, что в Каракумах скот находит подножный корм, хотя продуктивность по сезонам не одинакова ... наряду с пастбищами, пригодными под выпас круглый год, в Каракумах имеются большие площади, где выпас возможен лишь в определенный сезон".⁴ Кормовая база, в целом удовлетворяющая потребности развития животноводства в Туркмении, ставила перед скотоводами серьезные проблемы. Они находят отражение в статьях, вышедших в 30-х годах, авторы которых пытались оценить кормовые ресурсы Каракумов.⁵ При исследовании пастбищных территорий положение с кормами расценивалось как острый хронический недостаток. Решить эту проблему, по мнению специалистов, можно было лишь путем силосования всех ранее не употребляемых на корм скоту видов растений. В частности, предлагалось силосовать огромные запасы тростника, зарослей дикой ежевики, рогоза и т.п.⁶ Кормовая проблема, таким образом, не могла быть решена в условиях традиционного ведения хозяйства, характеризующегося экстенсивными формами развития.

Пустынные районы, не имеющие больших кормовых резервов, отличались и другой особенностью. Постоянным было обарханивание пастбищ, причем переход от песчаной степи к барханам, по мнению еще дореволюционных авторов, являлся "делом человеческих рук и требовал всего нескольких лет".⁷ Обарханивание пастбищных площадей наносило сильный удар по кормовым резервам скотоводов: из хозяйственного оборота оказались выведенными сотни гектаров полезных площадей.⁸ При этом вся совокупная пастбищная площадь туркменских степей не отличалась значительными объемами и не превышала 25-50 % территории Туркмении.⁹ Картина не будет полной, если не учесть политических условий, на фоне которых протекала жизнь туркменских племен. Недостаток водопойных источников и пастбищных угодий

был причиной частых, остро протекавших конфликтов между отдельными племенными группами.¹⁰ Политическая ситуация в свою очередь приводила к еще более резкому ограничению возможностей выпаса скота.

Но, пожалуй, главной причиной, обуславливающей узкую кормовую базу туркменского скотоводства, является недостаток водных источников в условиях пустыни. Колодцы, используемые скотоводами, относились к различным типам; в частности, в Центральных Каракумах наиболее распространенным был ч и р - л а - наливной колодец, который рыли на тахирах до уровня соленой воды, так что собирающаяся в нем дождевая вода не смешивалась с соленой.¹¹ Подобные колодцы, удовлетворяющие потребность скотоводов в воде весной и осенью, в летнее время высыхали,¹² т.е. скотовод оказывался привязанным в жаркое время года к постоянным источникам воды. Такой временный характер большинства водных источников тоже ограничивал пастбищную территорию скотоводов, делал их экономическое положение неустойчивым.

Все вышеперечисленные особенности ведения скотоводства в условиях Туркмении обусловили численный состав поголовья скота у туркменских скотоводов. Еще путешественники, посетившие Мангышлак в XVIII в., сообщали: "В данное время скотоводство в плохом состоянии, кроме лошадей держат верблюдов, баранов, коз, но не в большом количестве".¹³ В этой же связи можно отметить, что в одном из пунктов "Временного положения об управлении Закаспийским краем" указывалось: "Кочующие в пределах Закаспийского военного отдела ординцы вносят в государственную казну кибиточную подать: киргизы Мангышлакского приставства, адаевцы и другие - по 3 рубля с кибитки в год; туркмены этого приставства - по 1 рублю 50 копеек с кибитки...".¹⁴ При обложении налогом кочевников Мангышлака положение туркменских скотоводов, таким образом, определялось как более тяжелое по сравнению с казахскими. Сопоставление поголовья стад туркменских и казахских скотоводов проводилось последователями. А.Вамбери указывал на следующие соотношения в стаде - 1:50 или 1:100 соответственно у туркмен и казахов.

Один зажиточный казах, по мнению этого автора, имел столько скота, сколько целый туркменский род.¹⁵ Советские организации на местах в 20-30-х годах расценивали хозяйство туркменского скотовода как байское, когда поголовье достигало 500-600 единиц.¹⁶ Количество самостоятельно ведущих свое хозяйство скотоводов исчислялось 62 %.¹⁷ Но по настоящему экономически стабильным из всего числа этих хозяйств оставался лишь узкий слой богатых скотоводов.

Скотоводческое хозяйство в условиях Туркмении представляло собой крайне зыбкую систему, бесперебойное функционирование которой было возможно только при благоприятных климатических условиях, которые отсутствовали в данной зоне. Многочисленные свидетельства показывают, что скотоводы-туркмены несли значительные убытки в годы, отмеченные морозными зимами. Для иллюстрации можно привести следующие примеры. Страшный падеж скота на Мангышлаке произошел в 1911 г.: было потеряно 80 % овец.¹⁸ Подобный падеж скота не являлся исключением, он повторялся раз в 10 лет. В течение 40 лет, с 1890 по 1929 г., скотоводы-туркмены испытали шесть наиболее тяжелых зим, обескровивших их стада. Так, в 1890-1891 годах количество павшего мелкого рогатого скота составило 893 800 голов.¹⁹ В зиму 1899 г. Красноводский уезд потерял свыше 70 % поголовья скота.²⁰ Не все тяжелые в климатическом отношении годы сопровождались таким падежом, но все они наносили опутимый удар по скотоводам, унося в среднем 40 % совокупного поголовья.²¹ Даже для скотоводов, перенесших зиму без значительных потерь, положение оставалось опасным. Их хозяйства уже не имели необходимого резервного числа скота, и если в последующем во время скота молодняк погибал, то скотовод зачастую разорялся.²² Лишь незначительная часть богатых скотоводов была застрахована от экономической катастрофы, имея несколько резервных стад овец, отдаваемых на выпас несостоятельным соплеменникам, которые, даже если у них скот пал, должны были возместить потери. Среди остальных скотоводов процент разоряющихся был очень высоким.²³

Скотовод, лишившись средств к существованию, имел воз-

можность наняться пасти чужой скот, тем самым, утрачивая экономическую независимость, он не покидал своего общественного слоя. Но сфера скотоводства не предоставляла емкого рынка рабочих рук. Во-первых (и эта особенность характерна для всех скотоводческих обществ), сам труд чабана являлся трудом высококвалифицированным, и не каждый мог справиться с ним.²⁴ Во-вторых (и эта особенность характерна для Туркмении), совокупное стадо было относительно невелико и не требовало для своего обслуживания большого числа рабочих рук. Таким образом, земледелие являлось для туркмен практически единственной отраслью хозяйства, где сосредоточивались разорившиеся скотоводы.

По данным современных исследователей, в конце XIX-начале XX в. в Туркмении скотоводством занимался треть всего населения.²⁵ Н.И.Гродеков 18 000 домов считал принадлежащими оседлым туркменам (т.е. занимающимся земледелием) и 3300-кочевым.²⁶ Подобную точку зрения разделял также А.Н.Маслов.²⁷

Скотоводство преобладало только в хозяйствах Красноводского и Мангышлакского уездов Закаспийской области; в первом оно составляло 49 %, во втором - 93 %. В Мервском уезде лишь 6 % населения было занято в скотоводстве, в Тедженском - около 10, в Ашхабадском - 24 %.²⁸ Все население Закаспийской области, по данным отчета графа К.К.Палена, распределялось следующим образом: земледелием занималось 69.26 % жителей, скотоводством - 16.67, прочими видами деятельности - 14.07 %.²⁹ Основная масса туркмен, таким образом, была сосредоточена в земледельческом секторе хозяйства.

Согласно материалам ревизии Палена, из всех земель Закаспийской области, площадь которых исчислялась в 55 407 100 десятин, обрабатывалась лишь 150 000, что составляло примерно 0.27 % от всей территории, принадлежавшей местному населению.³⁰ Причем нельзя сказать, что это минимальное количество обрабатываемых площадей компенсировалось плодородием почв. Так, в частности, в прикокетдагской зоне почвы предгорной голысы представляли огетлые сароземы, не отличающиеся высокой продуктивностью.³¹

Ведение сельскохозяйственного хозяйства в оазисах сталкивалось с двумя основными проблемами. Первая заключалась в том, что большинство обрабатываемых почв, которые искусственно орошались, подвергалось вторичному засолению. Урожайность культурных растений снижалась из-за находящихся в почве солей. Оазисы Мургаба и Педжена на 50-60 % состояли из пустующих засоленных и заболоченных площадей. В дореволюционное время и в первые годы Советской власти засоленные почвы забрасывались, земледелие было переложным.³² Вторая особенность заключалась в нехватке воды для орошения земель. Количество воды весной в разные годы было различным, и в оазисах старались сеять растения, не требующие большого количества влаги, например такие, как кунжут. Технические же культуры, и в первую очередь хлопок, не могли широко культивироваться в зоне оазисов, не обеспеченных в достаточной мере водой. Но и культивируемые туркменами растения не удовлетворяли потребностей населения в зерне. Вот замечания П.М.Лессара о земледелии в Мерве, где слой ч о м у р (т.е. земледельцев) был особенно значительным: "Вообще хлеб (пшеница, ячмень), производимый в оазисе, достает только для местного употребления, а иногда не хватает его и приходится привозить его или из Персии, или из Тедженского оазиса".³³ Н.И.Гродеков писал следующее о йомудах: "Джафар-баш засевают ежегодно пшеницы до 23 000 пудов и рису до 1200 пудов. В хорошие годы хлеб родиться сам-20, в плохие - сам-5. Хлеба не достает не только для кочевников, но и для оседлых".³⁴ Текинцам Ахала хлеб доставляли представители племени ата, которые, по сообщениям К.Боде, покупали его на Гургене.³⁵ О низком уровне развития земледелия в Ахале говорит уже тот факт, что там, например, не в каждом хозяйстве имелись сельскохозяйственные орудия, и в частности а з а л (пахотное орудие).³⁶ Для туркмен Иолотанского оазиса, как и для многих других, значимость земледелия повысилась лишь с момента вхождения Туркмении в состав России.³⁷

В целом, говоря о земледелии в Туркмении, надо особенно подчеркнуть, что эта отрасль не была товарной, оставаясь на низком уровне своего развития. Земледелие, так же как и ското-

водство, не являлось занятием стабильным, гарантирующим прочный источник дохода. Тем не менее при всех тех сложностях, которые в разной степени сопровождали ведение хозяйства в этих двух сферах экономики, местное население отдавало предпочтение скотоводству. Так, П.М.Лессар, в частности, отмечал: "Относительно богатств оазиса (Мервского. - Ю.Б.) можно сказать, что главные виды его представляют скотоводство и хлебопашество, хотя в значительно меньшей степени".³⁸ Аналогичное мнение имел начальник Закаспийской области: "Несмотря на развитие земледелия, в общей экономической жизни края оно все же уступает скотоводству. Даже восточные уезды, где скотоводство играет как бы подчиненную роль по отношению к земледелию, в сущности являются скотоводческими, ибо развитие земледелия и здесь отнюдь не приостановило развития скотоводства. Бережливое население по-прежнему весь свой достаток обращает в скот и именно в скоте сохраняет свой огромный запасный капитал - на несколько миллионов рублей".³⁹

Именно скотоводство в отличие от земледелия представляло реальные возможности для создания и накопления индивидуальной собственности. Пастбищное содержание скота, например, обходилось очень дешево, так как скот круглый год оставался на подножном корму. Значительные затраты требовались только для устройства колодцев.⁴⁰ Кроме того, несмотря на то что скотоводство являлось сложным видом хозяйственной деятельности, оно тем не менее не требовало больших трудовых затрат.⁴¹ Не следует также забывать о престижности скотоводства в мировоззрении туркмен: "Земледелие испокон веков - писал Е.Л.Штейнберг, - и до недавних времен считалось у туркмен занятием презренным, низким, недостойным истинного мужчины. Кочевые племена привыкли смотреть на себе как на аристократию, как на рыцарство, а на оседлых крестьян - как на чернь".⁴² Аналогичное высказывание принадлежит П.М.Лессару: "Сарик даже до сих пор гордится тем, что его крепость - это седло и ружье... Во всем оазисе нет ни одного укрепления, ни одной самой простой постройки".⁴³ В целом же можно согласиться с замечанием Лессара, которым он охарактеризовал положение зем-

ладельцев и которое, как мы попытались представить, основывалось на достаточно серьезных основаниях: "Если кто разбогатеет, то никогда не станет затрачивать деньги на увеличение посевов и сельскохозяйственные работы, а всегда на обзаведение стадами".⁴⁴

Пути перехода в сферу скотоводства были ограничены. Земледелие не предоставляло людям возможностей для достижения этой цели. Как уже выше отмечалось, земледелие не отличалось высокой продуктивностью, земледелец, как правило, был вынужден использовать результаты своего труда лишь на удовлетворение собственных потребностей, т.е. этот путь был наиболее длительным и трудным.

Аламан предоставлял более быстрые и надежные возможности, хотя и связанные с большим риском. Многие авторы, в том числе и современные, при оценке аламана в качестве участников набегов выдвигают на первое место осевших, перешедших к земледелию туркмен. "Кочевники, — писал Н.И.Гродеков, — живут богаче оседлых, но вместе с тем менее воинственны, чем оседлые, и аламанами почти не занимаются. В войне с нами они принимали самое ничтожное участие, и потому потери их были невелики. Аламанство как ремесло составляло до последнего времени одно из главных средств к существованию оседлых жителей".⁴⁵ Подобные сведения по данному вопросу содержатся в работе П.М.Лесара, который ставил акцент на том, что кочевники как богатая часть населения были заинтересованы в спокойствии края,⁴⁶ боясь лишиться своего богатства — скота. Компильцией, видимо, можно считать мнение К.К.Абаза, который почти дословно приводит мнение Гродекова. Среди современных нам работ следует отметить в первую очередь монографию Г.Е.Маркова "Кочевники Азии", в которой автор пишет следующее: "По сообщениям письменных источников и стариков-информаторов, набегами занимались главным образом туркмены-земледельцы, поэтому число рабов у скотоводов было невелико".⁴⁷ Эту точку зрения разделял также видный немецкий этнограф В.Кениг, считавший, что скотоводы, живущие в зоне песков, были удалены от центра аламандной деятельности, сосредоточенной в районе Хорасано-Ахальского по-

граничья.⁴⁸

Не все исследователи, обращавшиеся к изучению этнографии туркмен, единодушны в подобной оценке участия чомур (земледельцы) и чарва (скотоводы) в аламанде. "Племя джафарбайцев, — отмечает один из авторов 20-х годов нашего столетия, — как более оседлое, занимающееся земледелием и торговлей, менее воинственно. Племя атабайцев более воинственное, занимается исключительно скотоводством и набегами на соседние персидские селения".⁴⁹

Именно с туркменами-кочевниками связывал Е.Л.Штейнберг систематические набеги на их оседлых соседей.⁵⁰ Н.И.Гродеков, отмечавший особую причастность чомур к аламанду, говоря о сарыках, тем не менее писал, что их богатство, состоящее из больших стад овец и верблюдов, не мешает заниматься набегами.⁵¹ А.Н.Маслов при описании Мервского оазиса, где земледелие являлось ведущей хозяйственной отраслью и где аламань были особенно частыми, сравнивая местных текинцев с сарыками-скотоводами, так же как и Гродеков, не может поделить между ними пальму первенства в введении аламанов.⁵²

Именно в оседании туркмен на земле, приобщении их к земледельческой культуре видели ханские власти разрешение вопроса о набегах на Шураханском участке Амударьинского отдела, проводимых кочевыми туркменами.⁵³ Агрессивный характер кочевых обществ, как известно, был обусловлен спецификой хозяйства скотоводческих народов, характерными особенностями их образа жизни.⁵⁴

Рассмотрим аргументацию тех авторов, которые считают, что именно представители чомур являлись наиболее активными участниками аламанды. Н.И.Гродеков отмечал, что кочевники не принимали участия в военных действиях в период присоединения Ахальского оазиса. Но отказ от участия в открытых столкновениях с регулярными воинскими подразделениями не означает отсутствия практики аламанды у кочевников. Напротив, кочевники отличались тактикой, в основе которой лежал принцип организации набегов на коммуникации врага и отступление. Туркмен-скотоводы имели возможность склоняться от сопраносовения

с русским отрядом, отойдя в пески, район колодцев. Для туркмен-земледельцев ситуация складывалась иным образом, так как маршрут военной экспедиции пролегал по территории непосредственного обитания оседлых групп населения.

Мнение П.М.Лессара о том, что скотоводы не занимались аламаном из-за боязни поставить себя и свои стада под удар ответного набега, тоже не является бесспорным, так как именно захват скота был одной из основных задач при совершении аламаном, и независимо от факта причастности скотовода к аламану он не мог быть гарантирован от утона скота.

Следует также иметь в виду, что процент скотоводов в общей массе населения был относительно невелик, и соответственно количество аламанов, совершаемых чарва, уступало по сумме набегам, производимым чомур. Кроме того, именно скотоводы являлись основными участниками набегов на караваны, перевозившие грузы хлеба.⁵⁵

Для того чтобы разобраться в противоречивых оценках аламаном различными авторами, необходимо продолжить рассмотрение взаимосвязи двух основных отраслей хозяйства туркмен. Тема эта является предметом исследования специалистов по хозяйству, нас здесь интересует социальный аспект вопроса.

Еще авторы XIX в., обращавшиеся к туркменскому материалу, экономически сильный слой общества соотносили со скотоводами, а экономически слабый — с земледельцами. "Вследствие большого развития у них скотоводства, — писал П.М.Лессар, — живут сарыки весьма богато".⁵⁶ А.Н.Маслов, говоря о сарыках, обращал внимание на то, что "пендинцы наиболее кочевое племя... иолотанцы гораздо беднее и стад у них мало".⁵⁷ Лессар, отмечая бедность салоров, одного из туркменских племен, подчеркивал, что их основным занятием являлось земледелие.⁵⁸ Для авторов XIX начала XX в. была очевидна взаимосвязь между занятием скотоводством и высоким уровнем жизни. Современные исследователи, занимающиеся вопросами социально-экономического развития туркменских племен, по-прежнему характеризуют чарва и чомур главным образом как социальные слои населения.⁵⁹

В.Кениг впервые поднял вопрос о пересмотре традиционн

сложившегося мнения о скотоводах как зажиточном слое и о земледельцах как гораздо менее обеспеченном слое туркменского общества. Он подчеркивал, что у многих, в том числе современных, авторов проявляется тенденция не выявлять хозяйственно-социальную специфику племени теке до и после оседания его в Ахальском оазисе. До оседания, т.е. в конце XVIII-начале XIX в., по мнению немецкого исследователя, основу хозяйства текинцев составляло скотоводство, а земледельческий сектор экономики развивался крайне слабо. Для этого периода в зоне оазиса характерна ситуация, когда одни члены семьи занимались скотоводством, а другие — земледелием. Изменение произошло в середине XIX в., когда в Ахале сложились две самостоятельные хозяйственно-социальные системы в рамках одного этнического единства: 1) земледелие в сочетании с содержанием скота в оазисе; 2) кочевое скотоводство в песках. Эти две системы, находясь в различных физико-географических условиях, функционировали обособленно одна от другой. Автор подчеркивает, что в рамках каждой из систем общество было социально стратифицированным, т.е., по его мнению, неверно рассматривать категории "чарва" и "чомур" как группы, имеющие чисто экономическую специфику.⁶⁰ Важным здесь представляется выделение двух хронологических периодов в процессе оседания текинцев в Ахальском оазисе и связанное с этим процессом возникновение двух самостоятельных социально-хозяйственных систем. При несомненных достоинствах такое построение, на наш взгляд, не бесспорно.

Вызывает возражение резкое противопоставление немецким этнографом двух социально-экономических систем, сложившихся в Ахальском оазисе. Отметим несколько моментов, позволяющих усомниться в экономической изолированности скотоводов, в способности их существовать без прочной опоры на оазис.

В записке военному министру от главнокомандующего Кавказской армией особо оговаривалось: "Состоя из узкой полосы земли, удобной для поселения, он (Ахальский оазис. — Ю.Б.) есть исключительное средство для существования текинцев, удаление оттуда равносильно гибели как их самих, так и многочис-

ленных стад, им принадлежавших ... текинцам, для которых зимовками служит Текинский оазис, откуда им нет никакой возможности навсегда удалиться".⁶¹ Многие авторы отмечают, что территория оазисов рассматривалась и использовалась скотоводами как дополнительная пастбищная площадь.⁶²

Одной из главных причин, обуславливающей неразрывность скотоводческой системы с земледельческой, является то, что уже в хозяйстве баев не могли быть задействованы все скотоводы, потерявшие свои стада. В.Кениг исчисляет количество скотоводов, не имеющих возможности самостоятельно вести хозяйство, 37 %. К этому числу следует отнести 20% населения, которое могло сохранить лишь определенную экономическую самостоятельность.⁶³

Возможность для чомур и чарва менять свой социально-экономический статус закреплялась и нормами обычного права. "Скотоводы пустынных областей к северу от Ахала, — отмечает А.Оразов, — так же как и оседлые земледельцы, имели право на надел земли и воды по санашуку и мальковне участки (т.е. соответственно земли и вода общественные и наследственные. — Ю.Б.)".⁶⁴ У В.Кенига имеется следующее замечание относительно распределения воды у чомур: "Когда чомур покидал селение, переходила его доля воды в пользование общества, когда он возвращался, то вступал во владение этой долей воды".⁶⁵ Земледелец, таким образом, имел возможность стать скотоводом, а затем вновь при неблагоприятно сложившихся для него обстоятельствах вернуться в свою общину. Возможность стать скотоводом у чомур была реальной, так как у туркменских племен до конца XIX в. пастбищные земли и источники воды находились в общественном пользовании. Сарыки, например, сооружали и владели колодцами до конца XIX в. главным образом коллективно.⁶⁶ Подобная ситуация была характерна и для текинцев Мерва,⁶⁷ Ахала,⁶⁸ Йомудов.⁶⁹ А.Ломакин писал, что вырывшие колодцы на общественной земле не имели права сдавать их в пользование лицам, "равно, как сдавать для пастбы скота и других надобностей участки общественной земли, прилежащие к колодцу".⁷⁰

Как уже отмечалось выше, по мнению В.Кенига, процесс перехода туркмен теке из статуса чомур в чарва был характерен только до середины XIX в., до образования двух социально-экономических систем. Тем не менее процесс этот продолжался до и после присоединения Туркмении к России, а также фиксировался вплоть до установления Советской власти в Средней Азии.⁷¹

Соглашаясь с фактом формирования в середине XIX в. двух направлений в хозяйственном развитии текинцев, надо подчеркнуть, что социальная и экономическая жизнь отдельных семей не могла быть ограничена жесткими рамками той или иной системы.

Противоречия в оценках, которые давались чомур и чарва в связи с их участием в аламани, на наш взгляд, объясняются следующим. Слой чомур еще не являлся сложившимся социальным организмом. Показательно в этом отношении то, что у чомур не было прочной связи между величиной участка земли, долей воды и количеством скота, находящегося во владении. Земледелец, который по величине участка мог рассматриваться как бай, имел подчас скота меньше, чем средний и мелкий. У мелких и средних дехкан значительно колебалась величина стада.⁷² Этот факт служит доказательством того, что в слой чомур входили представители различной хозяйственной ориентации: чомур с уже закрепившимися традициями земледелия и те, кто с накоплением необходимого поголовья скота оставлял земледельческий сектор хозяйства.

Представляется более правомерным рассматривать большую активность в организации аламана у тех чомур, образ жизни которых был еще неотделим от скотоводческого уклада и в жизни которых традиции земледелия не нашли пока достаточно большого места. Аламан совершался вчерашними скотоводами, еще не ставшими земледельцами, с четко проявляющимся стереотипом кочевника. Наличие массы высвобожденных из хозяйственного процесса, лично свободных скотоводов, находящихся в состоянии социальной взвешенности, стало той питательной средой, на основе которой аламан смог приобрести черты широкого социального явления.

Собственно чомур, окончательно утвердившийся в положении

земледелца, не представлял собой потенциального участника аламана. Салоры, в прошлом скотоводческие племена, с полной утратой своего скота обращаются к земледелию. С переходом всего племени к оседлости аламан окончательно исчез из их военной практики.⁷³ Капитан Гиршфельд при описании Хорезмского оазиса дает следующую характеристику некоторых проживающих здесь племен: "Имрелли, кара-дашлы и тячи принадлежат к числу наиболее мирных туркмен; все они давно осели на землю и занимаются земледелием".⁷⁴ А. Вамбери, отмечавший прочные традиции земледелия у геклен, подчеркивал, что это племя являлось "самым мирным" из всех туркменских племен.⁷⁵

Одной из причин незавершенности процесса оседания туркмен на земле ко времени включения в состав Российского государства является наличие института аламана, который позволял определенной категории населения из числа разорившихся скотоводов прекратить занятие земледелием и вернуть свой первоначальный социально-хозяйственный статус. Прогрессивный процесс седентаризации в характерных физико-географических условиях Туркмении (отсутствие водных источников, засоление почв и т. п.) сопровождался встречным процессом вторичной номуадиизации.⁷⁶ В этих условиях аламан являлся способом перехода от земледелия к скотоводству. Дальнейшее существование скотовода зависело от хозяйственных и политических факторов, речь о которых шла в начале нашей статьи. Не обладая в массе своей необходимой экономической стабильностью, хозяйства вновь разорялись, их места занимали другие; таким образом, сам слой чарва оставался в неизменном виде, количество его обуславливалось возможностями экосистемы. Показательно, что с приходом русских и связанным с этим прекращением практики аламана в туркменском обществе резко обостряется процесс социальной и имущественной дифференциации. Оседание на земле приобретает черты массового явления. Разоряется и обращается к земледелию большое количество скотоводов, которые уже были не в состоянии, как в прошлом, использовать временный источник восполнения естественной убыли скота — аламан.

Подведем итоги.

1. Институт аламана в середине-конце XIX в. следует рассматривать сквозь призму конкретного социально-хозяйственного развития, которое переживало туркменское общество накануне присоединения к России.

2. Закономерный процесс седентаризации в характерных условиях экосистемы Туркмении сопровождался сильным встречным процессом номуадиизации.

3. Сосуществование двух вышеназванных противоположных процессов обусловило сохранение института аламана с его уже сложившимися формами и вовлечения в него довольно значительных масс населения.

4. В то же время аламан не был постоянным занятием большей части туркменского населения. Занятие аламаном, как правило, носило временный, вынужденный характер. С приобретением стабильного социально-экономического статуса (чарва или чомур) исчезала острая необходимость участия в аламане.

¹ Г р о д е к о в Н. И. Война в Туркмении. Спб., 1883. С. 48-55.

² Б о д е К. О туркменских поколениях ямудах и гок-ланах // Зап. РГО. 1947. Кн. 2. С. 222; В а м б е р и А. Очерки Средней Азии. М., 1868. С. 192; Г а л к и н М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. Спб., 1868. С. 48; М а с л о в А. Н. Россия в Средней Азии // Ист. вестн. 1885. № 5. С. 391.

³ Р о с л я к о в А. А. Аламань // СЭ. 1955. № 2. С. 51.

⁴ Ф р е й к и н З. Г. Туркменская ССР. М., 1957. С. 65.

⁵ Н и к о л а е в В. Н. Пастбища Заунгузских Каракумов // Тр. Туркм. НИИ животноводства и ветеринарии. Ашхабад, 1960. Т. 2. С. 40; Б е р е з и н Л. Каракумская проблема // Туркменоведение. 1931. № 1-2. С. 23, 24.

- 6 Браславский П. Кормовая проблема в Туркмении // Туркменоведение. 1930. № 6, 7. С. 13.
- 7 Пески и флора в Закаспийской области // 30. 1896. № 1. С. 2.
- 8 Кондаков В.Ф. К истории животноводства Туркменистана (1914-1945) // Тр. Туркм. НИИ животноводства и ветеринарии. Ашхабад, 1960. Т. 2. С. 13.
- 9 Копиg W. Die Ahal-Teke. Berlin, 1962. S. 15.
- 10 Карпов Г. Аламань // Туркменоведение. 1931. № 6. С. 29.
- 11 Фрейкин З. Г. Указ. соч. С. 49.
- 12 Язлев Ч. История и хозяйственное развитие населения Среднего Мургаба (XIX-начало XX в.). Ашхабад, 1985. С. 28.
- 13 Александров В. Поездка капитана Е. Копытского на Мангышлак в 1745 г. // Закасп. обозрение. 1899. № 15. С. 2.
- 14 Временное положение об управлении Закаспийским краем // Россия и Туркмения в XIX в. Ашхабад, 1946. С. 97.
- 15 Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1867. С. 406.
- 16 Копиg W. Op. cit. S. 86.
- 17 Ibid. S. 87.
- 18 Помощь голодающим кочевникам Мангышлака // 30. 1911. № 122. С. 1.
- 19 Браславский П. Указ. соч. С. 12.
- 20 Максимович Ф. К. Социально-экономический строй накануне присоединения к России. Ашхабад, 1960. С. 32.
- 21 Копиg W. Op. cit. S. 52.
- 22 Хуммиев Б. Организация скотоводческого хозяйства туркмен в конце XIX-начала XX в. // Этнические процессы и хозяйство туркмен конца XIX-начала XX в. Ашхабад, 1982. С. 77.
- 23 Фрейкин З. Г. Указ. соч. С. 232.
- 24 Язлев Ч. Указ. соч. С. 43.

- 25 Оразов А. Этнографические очерки хозяйства туркмен Ахала в XIX-начале XX в. Ашхабад, 1985. С. 16.
- 26 Гродеков Н. И. Указ. соч. С. 48.
- 27 Маслов А. Н. Указ. соч. С. 391.
- 28 Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края // Материалы к характеристике народного хозяйства. Спб., 1911. Ч. 1, отд. 2. С. 213.
- 29 Там же. С. 98.
- 30 Там же.
- 31 Фрейкин З. Г. Указ. соч. С. 56.
- 32 Там же.
- 33 Лессар П. М. Мерв и его окрестности // Россия и Туркмения в XIX в. Ашхабад, 1946. С. 228.
- 34 Гродеков Н. И. Указ. соч. С. 28.
- 35 Боде К. Очерки туркменской земли // Отеч. зап. 1856. № 7-9. С. 66.
- 36 Оразов А. Указ. соч. С. 83.
- 37 Язлев Ч. Указ. соч. С. 58.
- 38 Лессар П. М. Мерв и его окрестности. С. 228.
- 39 Из отчета начальника Закаспийской области за 1899 г. // Россия и Туркмения в XIX в. Ашхабад, 1946. С. 314.
- 40 Фрейкин З. Г. Указ. соч. С. 231.
- 41 Хазанов А. М. Характерные черты кочевых обществ евразийских степей. М., 1873. С. 6.
- 42 Штейнберг Е. Л. Очерки истории Туркмении. М.; Л. 1934. С. 15.
- 43 Лессар П. М. Юго-Западная Туркмения // Изв. РГО. 1885. Т. 21. С. 45.
- 44 Лессар П. М. Пески Каракумов // Там же. 1884. Т. 20. С. 130, 131.
- 45 Гродеков Н. И. Указ. соч. С. 49.
- 46 Лессар П. М. Пески Каракумов. С. 131.
- 47 Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1876. С. 233.
- 48 Копиg W. Op. cit. S. 95.
- 49 Махтадир Сенджаби. Туркмены в Персии // Туркменоведение. 1928. № 7-8. С. 90.

- 50 Штейнберг Е. Л. Указ. соч. С. 15.
- 51 Гродеков Н. И. Указ. соч. С. 46.
- 52 Маслов А. Н. Указ. соч. С. 376.
- 53 Амударьинский отдел // Туркест. ведомости. 1876. № 10 С. 37.
- 54 Хазанов А. М. 1) Характерные черты ... С. 11;
2) Очерки военного дела сарматов, М., 1971. С. 65.
- 55 Штейнберг Е. Л. Указ. соч. С. 22.
- 56 Лессар П. М. Юго-Западная Туркмения. С. 45.
- 57 Маслов А. Н. Указ. соч. С. 400.
- 58 Лессар П. М. Указ. соч. С. 54.
- 59 Оразов А. Указ. соч. С. 80; Нурмухамедов К. Промысловое хозяйство туркмен в конце XIX-начале XX в. // Этнические процессы и хозяйство туркмен конца XIX-начала XX в. Ашхабад, 1982. С. 120.
- 60 König W. Op. cit. S. 41-43.
- 61 Копия с записки главнокомандующего Кавказской армией // Россия и Туркмения в XIX в. Ашхабад, 1946. С. 102.
- 62 См., напр.: Язлыев Ч. Указ. соч. С. 34;
Оразов А. Указ. соч. С. 81.
- 63 König W. Op. cit. S. 86.
- 64 Оразов А. Указ. соч. С. 80.
- 65 König W. Op. cit. S. 129.
- 66 Язлыев Ч. Указ. соч. С. 45.
- 67 Костин Г. Из жизни кочевий Мертвого округа // Туркменоведение. 1927. № 4. С. 52.
- 68 Дурдыев М. Б. Общественные институты у туркмен Ахала в конце XIX-начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. С. 7.
- 69 Домудский С. Н. О пережитках родового быта скотоводов Западной Туркмении в XIX в. // СЭ. 1962. № 4. С. 48.
- 70 Ломакин А. Обычное право туркмен. Ашхабад, 1897.
- 71 Оразов А. Указ. соч. С. 102.

72 König W. Op. cit. S. 108.

73 Маслов А. Н. Указ. соч. С. 401.

74 Гиршфельд. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент, 1902. Ч. 2. С. 68.

75 Вамбери А. Путешествие ... С. 266.

76 Хазанов А. М. Характерные черты ... С. 4.

Р. Р. Рахимов

СОЦИАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ

В ТРАДИЦИОННЫХ "МУЖСКИХ ДОМАХ" У ТАДЖИКОВ

Наше внимание сосредоточено на традиционной для этнографии народов Средней Азии теме — их "мужских домах" (мужских объединениях). Этнографы, в разное время писавшие о них, а также народная лексика у таджиков дают этим домам следующие названия: *аловхона*, что значит "дом огня" и *мехмонхона* — "дом для приема гостей". Дома огня были характерны для горных таджиков, в то время как мехмонхона отражала преимущественно особенности культуры народов среднеазиатской равнины.

Институт мужских объединений для совместных обедов, плясок, общественной взаимопомощи и т.д. уже к началу 50-х годов нашего века прекратил свое существование. Тем не менее интерес к нему не ослабевает. Это происходит потому, что в научной разработке данной проблемы еще существуют "белые пятна", ряд явлений в деятельности этого общественного учреждения еще до конца не осмыслен.

В данной работе интересующий нас социальный институт у таджиков северных районов Таджикской ССР рассматривается под углом зрения его возможной связи с пережитками военной орга-

т.е. военного судьи (Семенов А. А. Указ. соч. С. 388).

70 Р а и с - в Средней Азии этот термин употреблялся для обозначения полицейской должности и соответствовал средневековому м у х т а с и б; раис, кроме того, был блюстителем нравственности.

71 А т а л ы к (тюрк. "отцовство") - один из высших придворных чинов, опора эмира.

72 Н а к и б - в Бухарском ханстве это компетентное лицо в устройстве, снаряжении и расположении войск во время похода и войны. Он был осведомлен об авангарде и арьергарде, о правом и левом флангах, о центре и о месте 39-сады (Семенов А. А. Указ. соч. С. 144).

73 Я с а в у л (я с а у л) - в Бухаре наиболее приближенные к эмиру пажи. Во время пира ясаул занимал первое слева место, напротив высочайшего престола. В армии бухарских ханов ясаулы - палочки, назначение которых - ходить с палкой во время учения по фронту и выравнивать шеренги (ср. я с а в у л в ритуале т у и с а л л а д о р) или передовать приказания командира; см.: А р а н д а - р е н к о Г. А. Досуги в Туркестане (1874-1889 гг.). Спб., 1889. С. 555.

74 Д а с т у р х о н ч и, по-видимому, соответствовал боярину-дворецкому Московской Руси (Семенов А. А. Указ. соч. С. 149).

75 Б а к а в у л - заведующий исправным состоянием государственной кухни (Семенов А. А. Указ. соч. С. 150).

76 Б е л е н и ц к и й А. М., Б е н т о в и ч И. Б., Б о л ь ш а к о в О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 324.

77 Там же. С. 326.

78 Там же. С. 329.

79 Там же.

80 А н д р е е в И. Л. Указ. соч. С. 21.

81 Там же. С. 23.

Ю. М. Ботяков

МЕСТО МОЛОДЕЖНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СИСТЕМЕ ИНСТИТУТА АЛАМАНА

А л а м а н (военный набег) как процесс регулярный завершается временем вхождения Туркмени в Российское государство. И хотя в дальнейшем аламаны имели место в практике туркменских племен, они не меняли общей тенденции - окончательного ухода военного набега с исторической сцены. Длительность существования аламана, массовость его позволяют говорить о том, что институт этот являлся одним из структурообразующих элементов в процессе социального развития туркменского общества. В силу вышесказанного изучение аламана дает возможность более рельефно выделить как социальные функции различных слоев туркменского общества, так и отдельные элементы общественных связей, значимость которых при рассмотрении с иных позиций ускользает от внимания.

Такое социальное явление, как аламан, уже при первом беглом знакомстве представляется далеко не однородным. Набеги, санкционированные хивинским ханом или направляемые о е р д а р о м (военный вождь), влияние которого выходило за рамки племени, отличались от аламана во главе с б а т ы р о м (богатырь, смельчак - здесь в значении "командир небольшого отряда"), слава которого не распространялась дальше родного о б а (селения). Различались и сами задачи, стоявшие перед аламаном (аламаном назывался также военный отряд, совершавший набег). Неоднородный характер аламанов отразился и на их оценках в литературе. Так, А.Вамбери был одним из тех, кто видел

в аламани туркмен их главное и любимое занятие, которое, по его мнению, не приносило им практически никаких выгод.¹ Инженер П.М.Лессар, работавший в конце прошлого века в районах Юго-Восточной Туркмении, тоже считал, что аламан не мог составить серьезное подспорье в жизни туркмен. Причину этого он видел в следующем: "Кто из лучших сердаров в Мерве не испытывал превратностей судьбы — попадет в плен или сам, или его сын, или брат, увезут кого-либо из дома разбойники других племен ... надо выкупать, а с богатого человека и выкуп берут большой".² Но многие исследователи смотрели на аламан с иной точки зрения, считая, что "при несовершенстве земледелия и скотоводства, при скудости продуктов, добываемых этим путем, аламан служил главным средством к жизни, имея за собой в виде подспорья хозяйство".³ Е.Л.Штейнберг видел в аламани "один из основных источников пополнения продовольственных ресурсов кочевых туркмен, и главным образом хлебных запасов".⁴ А.Н.Самойлович считал, что вместе со стремлением к славе и добыче мщение на почве кровной мести является одной из побудительных причин аламани.⁵ В увеличении калыма в период после вхождения Туркмении в Россию А.Доманин видел доказательство того, что аламан имели цель захват наложниц малолетними туркменами, неспособными выплатить калым.⁶ Отметим, что А.И.Акатова рассматривает аламан как форму справедливой борьбы туркмен против персидских шахов.⁷ И наконец, институт аламани был связан с чисто хозяйственными вопросами, не имеющими отношения к набегу. У йомудов Атрека часть оседлого населения объединялась "в небольшие земельные группы по 30—50 домов, называвшиеся аламани".⁸ У йомудов Хорезма и западных йомудов, по нашим полевым материалам, аламаном именовали группу людей, объединенных для осуществления крупных общественных работ, главным образом рытья и очистки канала.⁹ Интересно, что параллели можно найти и у таджиков Ферганской долины. По данным Р.Р.Рахимова, здесь аламаном могли называть жителей окрестных кишлаков, собравшихся для экстренной общественной работы, например возведения моста, разрушенного селеным потоком.¹⁰ Перечислены, вероятно, далеко не все значения

слова "аламан", что позволяет рассматривать его как явление полифункциональное. Эта особенность дает возможность поставить вопрос о положении в туркменском обществе отдельных групп и слоев, стоявших за конкретными аламани. В данной статье объектом рассмотрения является аламан позднего периода, предшествующего включению Туркмении в состав России.

Остановимся на одной из разновидностей аламани, описанной в литературе. Хивинский придворный историк XIX в. Агехи в своих хрониках сообщает, что 18 конных ахальских теке явились внезапно с целью воровства в Хорезм, захватили 22 человека в плен, взяли много верблюдов и пустились в бегство.¹¹ И там же находим следующее: "Восемь человек сарыков-аламаников прыскакали верхами и угнали углубившихся в пески 12 человек сборщиков дров из-под Хивы с множеством верблюдов".¹² П.М.Лессар сообщает такие данные о Мервском оазисе: "Каждое отдельное племя предпочитает отправлять небольшие шайки по 4—5 человек, которые подбираются к окрестностям сарыкских поселений, уводят оттуда женщин и детей и угоняют скот; в Мерве близ деревень выставляются сторожевые посты".¹³ Подобная ситуация была характерна и для гокленов, которые страдали "от мелких партий аламаников мелких племен".¹⁴ К.К.Абаза оставил следующую характеристику аламани: "Горе пастухам, которые, бывало, заберутся на соседние пастбища. Разбойники, спрятавшись где-нибудь за бугорками или в оврагах, отрежут путь к отступлению и гонят стада вместе с людьми".¹⁵ Архив хивинского хана содержит письмо на его имя, в котором сообщается о набеге 10 всадников из племени чоудор и уводе ими лошадей и рогатого скота.¹⁶ Набеги в Астрабадскую провинцию Персии йомуды часто совершали мелкими партиями по 3—5 человек.¹⁷ В сообщении полковника генерального штаба Мельничкогго отмечалось: "Гоклены и йомуды часто переходили персидскую границу для мелкого воровства, преимущественно лошадей и скота ... набеги производятся мелкими партиями, почти никогда не превышающими численность 10 человек".¹⁸

Таким образом, перед нами относительно небольшой по численности отряд, совершающий набеги по границе родоплеменной

территории. Возможности этого аламана были ограничены его численностью. Впрочем, подобные аламаты, представляя собой непрерывную цепь набегов, могли нанести весьма ощутимый урон соседнему племени и поэтому являлись эффективным средством ведения военных действий. Непрерывные набеги провоцировали ситуацию, чреватую возникновением крупных межродовых конфликтов, обескровливавших туркменское общество. Следствием набегов была постройка крепостей и сторожевых башен по границе племенных кочевий, в которых пастухи или находившиеся в поле земледельцы прятались в случае внезапного нападения.¹⁹

Обратимся теперь к рассмотрению явлений социальной организации, имеющих непосредственное отношение к аламану. В литературе о молодежных объединениях как по туркменам, так и по Средней Азии в целом²⁰ отмечается очень важный момент противопоставления этих организаций всему обществу. У туркмен-нохурли, например, молодые мужчины, собиравшиеся на свою очередную встречу, могли обязать любого члена общины предоставить барана для их вечерней трапезы. В случае неповиновения так называемые нукеры, посланные своим ханом, связывали сопротивляющемуся руки и ноги и силой уводили из дома. Чтобы заставить такого человека выполнить требование хана, его могли держать в холодное время на улице, пока он не соглашался с требованиями.²¹ У сарыков при устройстве дингене (вечерние собрания холостой молодежи) их участники похищали в своем или соседнем оба барана для приготовления совместной трапезы. При этом, если подобные набеги оканчивались неудачно для их участников, наказание не было суровым. Местное население, как можно судить на основе ответов информаторов, не относилось к подобным действиям как к серьезному проступку.²²

Пример открытого неподчинения старейшинам мы находим в описании штурма Геск-Тепе, когда собравшийся маслахат (совет старейшин) решал вопрос о заключении мира с русским военным отрядом. Возле юрты, в которой проходило совещание, собралась толпа молодежи. "Заслышав, что речь идет о покорности, она ворвалась с обнаженными пашками в кибитку и застрашала старейшин".²³ Община не пытается пресечь подобные воль-

ности совсем не потому, что не способна с ними справиться. Родоплеменной коллектив, являясь гарантом существования каждого отдельного члена, располагал действенным средством поддержания стабильного течения своей внутренней жизни: за смерть сородича общество требовало хун, за совершенное убийство отвечала вся родовая группа. Любое отклонение от соблюдения общественных норм ставило человека перед угрозой исключения из системы этих связей. Так, у туркмен действовал на протяжении всего XIX в. институт отречения. Обычай разрешал родственникам человека, постоянно нарушающего нормы поведения в обществе, отказаться от него. "Джарчи (глашатай) объявлял по аулам, что за деяния такого-то его сородичи более не отвечают; если его убьют, то хун искать не будут, и наоборот, если он убьет, то не будут платить хун. Подобные лица становились вне закона".²⁴ Изгнание из общины являлось самой суровой мерой, поэтому практиковалось достаточно редко, но туркмены располагали и другим, не менее эффективным средством воздействия на нарушителей норм обычного права, подвергая их всеобщему отчуждению. В литературе описан случай, когда пользующийся уважением всей общины человек сознательно пошел на нарушение обычных норм, желая силой своего авторитета решить исход суда в пользу сына. В результате общественное мнение осудило его, что повлекло за собой отставку с должности, которую он занимал в русско-туркменском административном аппарате, как лица, полностью себя дискредитировавшего.²⁵

Причина, по которой молодежные группы могли противопоставить себя обществу без каких-либо серьезных последствий, заключалась в особой, военной функции, которую они выполняли. Говоря о военной организации как офере, где роль мужской молодежи должна была проявиться наиболее рельефно, необходимо, хотя бы кратко, рассмотреть систему возрастных категорий, которая существовала у туркмен для отражения основных периодов жизненного цикла. В дальнейшем нами будет использоваться возрастная терминология, предложенная В.А. Поповым: "1) Возрастная степень - культурно-нормативная стадия жизненного цикла; 2) возрастной класс - институционализированная степень (или

подразделение одной степени, или объединение нескольких степеней); 3) возрастная группа - корпоративная группа совместно инициированных индивидов (т.е. обладающих одним социальным возрастом), которая, двигаясь по возрастным степеням, регулярно переходит из одного возрастного класса в другой, меняя свой статус и социальные роли; 4) возрастной сет - совокупность всех возрастных групп, которые переходят из класса в класс".²⁶

У туркмен зафиксировано несколько возрастных степеней, соответствующих следующим возрастным периодам: б е б е к - ребенок до 1-го года; ч а г а - 1-6 лет; о г л а н - 7-12; е т г и н д ж е к - 12-18; д ж а г ы л - 18-24 года; и и г и т - 25-40 лет; о р т а я ш - 40-60; г о д ж а - свыше 60 лет.²⁷ Обращает на себя внимание терминологическая разработанность начального периода жизни человека до рубежа зрелости. Оставляя в стороне рассмотрение первых возрастных степеней, обратимся к степеням етгинджек, джагыл и иигит, представители которых имели непосредственное отношение к военному делу. Именно на них ложилась задача защиты родоплеменной территории.

В возрастную степень етгинджек мальчик-оглан попадал, пройдя обряд обрезания, широко распространенный по всей территории Средней Азии и имеющий отчетливо выраженный инициационный характер.²⁸ Этот обряд еще в недалеком прошлом сохранял черты группового посвящения. К.Л. Задыкина, сообщая об обрезании у узбеков дельты Амударьи, отмечала, что у них, так же как у таджиков, белуджей, джемшидов, османских турок, этой процедуре подвергалась одновременно сразу целая группа мальчиков, что позволило ей говорить о "пережитках былого обязательного ритуала посвящения над всеми лицами, достигшими известного возраста".²⁹ Аналогичные данные содержит также и туркменский материал. Старика-информаторы помнят, когда обряд о у н е т (обрезание) совершался сразу над несколькими мальчиками в возрасте от 7 до 12 лет, после чего существенно менялся их правовой статус. Для нас здесь важно отметить следующее: юноша-етгинджек получал право резать скот и носить на

поясе нож и сабля.³⁰

Если сунет можно считать первым этапом обряда перехода мальчика в возрастную степень етгинджек, то вторым является праздник первого сажания на коня. Время, необходимое для заживления раны, отделяло сунет от начала проведения заключительного этапа обряда перехода юноши в степень етгинджек. Часто праздник проходил и в более отдаленные от проведения сунета сроки. Известно описание праздника сажания на коня, данное А. Володиным, у ставропольских туркмен.³¹ Предлагаемое ниже описание этого праздника зафиксировано нами у туркмен-сарыков Тахта-Базарского района Марийской области.

Событие обставлялось торжественно, при стечении большого числа людей. На мальчике был праздничный наряд - г а р м ы - з ы н - д о н (красный халат), на поясе висел г у л б е н д - п и ч а к - нож с гулбеном (пластиной из цветного металла, находящейся у пяти ножа).³² Отсутствие гулбена делает, по представлению туркмен, мясо зарезанного этим ножом животного оскверненным.³³ На празднике присутствовали все ровесники виновника торжества. Имеется одиночная информация, что этот обряд проходило сразу несколько мальчиков.³⁴ Центральным событием праздника являлось произнесение муллою напутственной молитвы (а к - п а т а). Приведем ее текст: "Твой сын на коне, пусть не упадет с коня, пусть будет воином, батыром. Пусть он стоит за свой народ, будет его защитником".³⁵ После этого, держа в поводу лошадь, мальчика обвозили вокруг присутствующих.

В обрядах, оформляющих переход в возрастную степень етгинджек, проявляется их подчеркнуто военизированный характер. Бегание военных действий рассматривается как одна из задач выше-названных возрастных групп. По многочисленным сообщениям информаторов, именно с 12 лет молодые люди начинали ходить в алэман. При этом подчеркивалось, что в прежние времена 12 лет - это был возраст, когда человек уже приобретал необходимые навыки и обладал достаточной физической силой и выносливостью для участия в набеге.³⁶ Сказанное находит подтверждение и в литературе. М.Алиханов-Аварский, описывая в своих воспоминаниях

разговор с текинским сердаром, приводит, в частности, следующие слова туркмена: "В детстве, как и все у нас, я был отчаянным калтаманом (участником набега, характеризующегося небольшим числом людей. - Ю.Б.), а с 18 лет я существовал аламанством".³⁷ Известное историческое лицо, военный руководитель ахальских текинцев Тыкма-сербар с 13 лет начал ходить в набеги.³⁸ В то же время совершенно очевидно, что не эти возрастные группы являлись ударной силой племенного ополчения. Информаторы-сарыки сообщали, что 12-15-летние юноши дежурили вместе со своими отцами в караулах, выставляемых в ночное время вокруг селения.³⁹ В их задачу входило собирать топливо для костра, кормить и поить коней и т.п. То же самое можно сказать и о тех етгинджаках, которые становились участниками аламанов. В походе на них лежала обязанность оказывать услуги своим товарищам: поить коней отряда, присматривать за ними, готовить чай и т.п. Если етгинджаки представляли собой своего рода резерв, который постепенно подключался к ведению военных действий, то джагылы являлись теми возрастными группами, для которых задача охраны племенной территории была основной.

Переход в джагылы происходил следующим образом. Во время свадьбы старики созывали етгинджиков, достигших 15-16 лет, которые должны были сделать несколько очагов (о д ж а г) для приготовления предстоящего свадебного угощения.⁴⁰ В наше время среди туркмен распространен очаг, сооруженный из глины в форме усеченного конуса. Данный очаг изготавливается женщинами для повседневного пользования. Очаги, которые сооружались на свадьбе, называются г а з м а о д ж а г (от г а з м а к - "копать") и представляют собой наиболее архаичную его форму. Газма оджак - вырытая в земле яма примерно 0,5 м в диаметре и столько же в глубину. Перед ямой выкапывается небольшое углубление, предназначенное для тяги воздуха. Для изготовления этого, на первый взгляд, несложного сооружения требуется определенное мастерство и умение. После окончания работы я ш у л и (старейшины) проверяли, насколько успешно етгинджаки справились с заданием. Етгинджак, искусно

выкопавший очаг, становился джагылом и получал право жениться. Для тех, кто не прошел испытание, вторая возможность стать джагылом предоставлялась лишь с организацией следующей свадьбы. Юноши, оставшиеся в прежней возрастной степени, подвергались насмешкам со стороны своих сверстников. По сообщениям стариков-информаторов, сарыков и текинцев, именно джагылы составляли ядро аламана, а также обороны при нападении противника на оба.⁴¹

Молодые неженатые воины у йомудов входили в племенное ополчение а к - о й л и (букв. "белый дом"), которое сохранялось вплоть до уровня исторической современности.⁴² Здесь следует привести ставшую классической характеристику ак-ойли, данную С.П.Толстым. Термином "ак-ойли" обозначалась выделявшаяся из молодых людей данного племени группа, игравшая особую роль в межплеменных войнах. Ак-ойли поселялись на значительном расстоянии от аулов своего племени, вдоль полосы, отделявшей территорию данного племени от территории соседей, и несли функции пограничной заставы, в обязанность которой входило наблюдение за соседями и извещение племени о приближающейся военной опасности. В случае нападения ак-ойли являлись передовым заслоном, принимавшим на себя первые удары неприятеля, пока все племя не приводилось в боевую готовность. Ак-ойли не имели хозяйства, содержась на счет всего рода или племени".⁴³

В Мурче, селении, находящемся в Ахальском оазисе, система оборонительных сооружений, представляла собой крепость и три башни (д и н), располагавшиеся по линии от селения к персидской границе. В башнях постоянно находился небольшой караул (2-3 человека) из числа молодежи в возрасте от 20 до 30 лет.⁴⁴

Наибольшее затруднение вызывает точное определение временных рамок возрастных степеней джагылы и игит. В ряде случаев эти категории рассматривались информаторами как аналогичные понятия, характеризующие молодого человека в возрасте старше 18 лет.⁴⁵ Преобладало, однако, мнение, согласно которому единственным критерием достижения человеком статуса

игит была его женитьба.⁴⁶ В конце XIX-начале XX в. обычное явление в Туркмении — ранние браки, когда жениху могло быть лишь 12-13 лет.⁴⁷ А это, согласно возрастной периодизации туркмен, возраст, соответствующий степеням оглан и етгин-джек. С другой стороны, нередкими были случаи, когда молодые люди, достигшие брачного возраста (т.е. степени джагыл), не имели возможности жениться из-за высокого калыма,⁴⁸ т.е. система возрастных категорий к концу XIX в. не соответствовала реальному положению дел, и биологический возраст уже не служил критерием для достижения соответствующего социального статуса (вопросы соотношения социального и биологического возрастов подробно рассмотрены К.П.Калиновской⁴⁹). Кроме того, интересно, что приобретение социального статуса полноправного члена общины (т.е. женатого человека) не освобождало етгин-джека или джагыла по возрасту от выполнения военной функции, так как биологический возраст играл здесь все же решающую роль.

Мужчины в возрастной степени игит являлись наиболее дееспособным в военном отношении слоем туркменского общества, сочетавшим в себе такие качества, как молодость, физическое здоровье и опыт в ведении боевых действий. Неоднократные замечания информаторов позволяют говорить, что игиты были опорой сердара в аламани, гарантом удачного завершения набега.⁵⁰ В то же время с приобретением статуса женатого человека круг обязанностей последнего в общине существенно изменился. Война перестала быть основной задачей мужчин этой возрастной степени. Активное участие в военных событиях продолжали принимать игиты, положение которых в общине не упрочилось настолько, чтобы окончательно отойти от прежнего образа жизни. Речь идет главным образом о тех игитах, которые не имели еще детей или у кого их было немного.

В Гиурском районе Ашхабадской области, к югу от селения Аннау, т.е. ближе к Ирану, располагалась г а л а (крепость), носившая название Гармиза-Гала. По замыслу ее создателей — текинцев она должна была перекрыть горный проход, снять угрозу внезапного нападения со стороны Ирана. При осаде текинцами селения Аннау от каждого родового подразделения в крепость

были направлены только что женившиеся молодые люди со своими женами.⁵¹ В задачу гарнизона крепости входило не пропустить персидский военный отряд, который мог быть направлен для оказания помощи осажденным жителям Аннау. На территории нынешнего колхоза им. Э.Тельмана Геок-Тепинского района Ашхабадской области в прошлом располагалось оба Бабаджа Мулкаман, территория которого находилась в опасной близости от Ирана. Ограниченные возможности источников воды в этом селении, а также его пограничное положение привело к тому, что рядом с ним возникло оба Янгли-Гала, находившееся на 15 км ближе к территории Ирана. По словам информатора, долю воды мог получить тот, кто переселился в Янгли-Галу, тем самым становясь защитником основного населения Бабаджа Мулкамана. Жителями припограничного оба были молодые женатые люди.⁵²

Благодаря особой военной функции мужские молодежные группы занимали в общине особое положение. В этих группах вместо чисто родовых или общинных связей возникают другие — узкопрофессиональные, наличие которых обособляет мужскую молодежь от основной общинной массы. Сама задача — охрана родоплеменной территории — порождала определенную специфику — относительную обособленность военных отрядов от остального родового массива. Особое место неженатой молодежи в структуре общины объясняется еще и тем, что она не имела прав на землю, воду, скот и т.д. У туркмен-скотоводов глава семейства был единственным обладателем всех экономических и социальных прав. У земледельцев неженатый молодой человек не мог получить свою долю воды (с у) на правах санашика,⁵³ аналогично тому как у скотоводов неженатый человек не мог иметь собственного скота.

В начале нашей статьи речь шла о военных действиях, которые велись в районах межплеменного пограничья в форме мелких набегов. У туркмен по адату существовало четкое разделение между аламаном и просто грабежом. Аламан проводились "на соседние страны или на враждебные племена, но отнюдь не на племена дружественные".⁵⁴ В литературе уделено достаточно много места описанию взаимных нападений друг на друга мервских текинцев и сарыков,⁵⁵ текинцев Ахала и западных йомудов,⁵⁶ те-

кинцев Мерва и эрсары,⁵⁷ текинцев и йомудов на нохурли.⁵⁸ Такие отношения подчас складывались и на уровне родовых групп. Туркмены-текинцы и другие племена иногда производили набеги и на своих соплеменников.⁵⁹ В результате частой военной практики могла возникнуть ситуация, когда набеги переходили за рамки, дозволенные адатом, и в этом случае могла возникнуть серьезная конфронтация между отдельными родоплеменными и племенными группами, которая значительно затруднила бы создание объединенных военных сил для отпора внешнему врагу (примером такого временного союза может служить следующий исторический факт: "Примерно в 1865-1870 гг. гоклены получили уведомление о предпринимаемом походе персов на Кара-Кала... было решено просить помощи у текинцев и йомудов"⁶⁰).

Однако ситуации, чреватой крупными межплеменными конфликтами, в значительной мере удавалось избежать в силу того особого положения, которое занимали в обществе мужские молодежные группы. Родовой коллектив не нес полной ответственности за действия молодежных военных отрядов. В обычном праве было закреплено положение, согласно которому за человека, убитого при его нападении на жилище, выкупа не полагалось.⁶¹

Здесь следует целиком привести содержание письма мервских старшин к представителям влиятельных слоев населения Ахала: "Вы извещаете, что наши мервцы грабят Ахал; конечно, мы этим поступком наших не довольны. Вам хорошо известно, что мервцы состоят из громадного населения, и мы об этих злодеяниях наших не знаем, и что подобная вещь если повторится, то постараемся ограбленное отнять у них и доставить потерпевшим хозяевам. Братья наши ахальцы, предупреждаем вас, что подобная вещь если повторится, если наши мервцы будут у вас с целью грабежа в Ахале, то можете их убивать, лошадей и оружие их взять себе, за кровь мы не будем требовать... Ваши посланные кетхулы сами лично видели, что наши аламанчики без ведома всех нас исчезают на аламань ночью".⁶²

Таким образом, мужская молодежь являлась своеобразным буфером между отдельными родоплеменными группами. Благодаря этому возникающие конфликты ограничивались рамками молодежных

групп. Подобным положением молодежи в общине, видимо, можно объяснить и факты, аналогичные следующей официальной характеристике ситуации, сложившейся в Туркмении к концу XVIII-началу XIX в.: "Неоднократные просьбы туркмен о принятии их в подданство России не мешали им делать набеги на русские торговые караваны, причем они, не довольствуясь одними товарами, забирали в плен людей, которых потом продавали на рынках Хивы, Бухары и Коканда".⁶³ Мы далеки от мысли объяснять подобные факты деятельностью исключительно молодежных отрядов, но, по всей вероятности, их удельный вес в общем объеме набегов был достаточно велик. Интересные типологические параллели особого положения молодежных групп можно найти в прошлом у кочевников, что подкрепляет наше предположение. Скифы, войско которых составляли отряды молодых воинов,⁶⁴ отстранялись от заботы и от ответственности за действия участников военных набегов.⁶⁵

Приобретая экономическую самостоятельность и входя в общину как полноправный ее член, бывший воин включался в иную систему связей, неукоснительно соблюдая нормы обычного права. Социальная база аламана в XIX-начале XX в. была достаточно широкой и не ограничивалась уже исключительно слоем молодежи.

¹ В а м б е р и А. Очерки Средней Азии. М., 1868. С. 282

² Л е с с а р П. М. Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах // Изв. РГО. СПб., 1884. Т. 20. С. 70.

³ В а с и л ь е в И. С. Ахал-Текинский оазис. СПб., 1884. С. 8.

⁴ Ш т е й н б е р г Е. Л. Очерки истории Туркмении. М.; Л., 1934. С. 22.

⁵ С а м о й л о в и ч А. Н. Абу-с-Саттар-казн: Книга рассказов о битвах текинцев. Пг., 1914. С. 95.

⁶ Л о м а х и н А. Обычное право туркмен. Ашхабад, 1897. С. 5; А н д р е е в А. П. Туркменский

- суд // Ист. вестн. 1900. № 8. С. 532.
- 7 А к а т о в а А. И. Туркменские племена накануне их присоединения к Российской империи // Изв. Туркм. фил. АН СССР. 1950. № 5. С. 23.
 - 8 Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в УШ-ХІХ вв. Ашхабад, 1954. С. 308.
 - 9 Полевые материалы Туркмено-Каракалпакской этнографической экспедиции ИЭ за 1983 г. // Арх. ЛЧ ИЭ АН СССР, ф. И-І, оп. 2, № 1342, л. 34; Полевые материалы Западнотуркменской этнографической экспедиции ИЭ за 1988 г. // Там же, б. н., л. 4.
 - 10 Полевые материалы Р.Р.Рахимова.
 - 11 Материалы по истории туркмен и Туркмени. М.; Л., 1938-1939. Т. 2. С. 498.
 - 12 Там же.
 - 13 Л е с с а р П. М. Заметки ... С. 67.
 - 14 Туркмены-текинцы // 30. 1896. № 14. С. 3.
 - 15 А б а з а К.К. Завоевание Туркестана. СПб., 1940. С. 236.
 - 16 И в а н о в П. П. Архив хивинских ханов ХІХ в. Л., 1940. С. 236.
 - 17 Туркмены йомудского племени // Воен. сб. 1872. № 1. С. 86.
 - 18 М е л ь н и ц к и й. Статистические данные о Закаспийской области по сведениям, собранным в 1886 г. // Сб. геогр., топогр. и стат. материалов по Азии. 1888. Т. 29. С. 122.
 - 19 Ж и т к о в. Текинско-персидские укрепления // Инж. журн. 1883. № 5. С. 40; М а о л о в А. Н. Россия в Средней Азии // Ист. вестн. 1885. № 5. С. 390.
 - 20 С н е с а р е в Г. П. Традиция мужских оюзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1963. Вып. 7. С. 179.
 - 21 Д ж и к и е в А. Традиционные туркменские праздники, развлечения и игры. Ашхабад, 1983. С. 77, 78.
 - 22 Полевые материалы Южнотуркменской этнографической экс-

- педиции ИЭ за 1987 г. // Арх. ЛЧ ИЭ АН СССР, ф. К-І, оп. 2. № 1515, л. 30.
- 23 А б а з а К.К. Указ. соч. С. 296.
 - 24 Д а в л е т ш и н. Народный суд в Закаспийской области // 30. 1902. № 15. С. 2.
 - 25 Й о м у д с к и й Н.Н. Присяга у закаспийских туркмен // 30. 1910. № 4. С. 3.
 - 26 П о п о в В.А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности // СЭ. 1982. № 1. С. 75.
 - 27 Полевые материалы Южнотуркменской экспедиции... Л. 2-6; Полевые материалы Западнотуркменской экспедиции... Л. 3, 8, 11, 12, 15, 64.
 - 28 З а д ы х и н а К.Л. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // Родовое общество. М., 1951. С. 171. (ТІЭ; Т.14).
 - 29 Там же. С. 174.
 - 30 Полевые материалы Южнотуркменской экспедиции... Л. 4-5.
 - 31 В о л о д и н В.В. Туркменская степь и туркмены // СМОМПК. 1908. Вып. 38. С. 56-57.
 - 32 Полевые материалы Южнотуркменской экспедиции... Л. 4-5.
 - 33 Там же.
 - 34 Там же.
 - 35 Там же.
 - 36 Там же. Л. 36; Полевые материалы Западнотуркменской экспедиции... Л. 19, 67.
 - 37 А л и х а н о в - А в а р с к и й М. Закаспийские воспоминания 1881-1885 // Вестн. Европы. 1904. № 9. С. 90.
 - 38 А б а з а А.А. Указ. соч. С. 280.

- 39 Полевые материалы Южнотуркменской экспедиции... Л. II.
- 40 Там же.
- 41 Там же.
- 42 Толстов С. П. К истории древнетуркской социальной терминологии // ВДИ. 1938. № 1 (2). С. 75; Дурдыев М. Б. Пограничные и военные отряды туркмен Южного Туркменистана в конце XIX-начале XX в. (ак-ойли) // Изв. АН ТССР. 1970. № 3. С. 46-53.
- 43 Толстов С. П. Указ. соч. С. 75.
- 44 Полевые материалы Южнотуркменской экспедиции... Л. I4.
- 45 Там же, Л. 6.
- 46 Там же.
- 47 Володин В. В. Указ. соч. С. 90.
- 48 Михайлов Ф. Положение женщины, брак и развод у текинцев Закаспийской области // 30. 1911. № II22 С. 45; Ломакин А. Указ. соч. С. 6.
- 49 Калиновская К. П. К проблеме возрастных систем // СЭ. 1982. № 1. С. 61.
- 50 Полевые материалы Южнотуркменской экспедиции... Л. 7.
- 51 Там же, Л. 22.
- 52 Там же.
- 53 Ломакин А. Указ. соч. С. 108.
- 54 Там же. С. 94.
- 55 Лессар П. М. Юго-Западная Туркмения // Изв. РГО. 1885. Т. 21. С. 45.
- 56 Абаза К. К. Указ. соч. С. 268.
- 57 Россия и туркмения в XIX в. Ашхабад, 1946. С. 200.
- 58 Оразов А. О земледельческих традициях в долине Сумбара и Чандыра в конце XIX-начале XX в. // Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен. Ашхабад, 1973. С. 9.
- 59 Маслов А. Н. Указ. соч. С. 380; А. С. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881-1885) // Туркест. ведомости. 1909. № 99. С. 422; Карпов Г. Адаманы // Туркменоведение. 1931. № 6. С. 29; Копия с записки главнокомандующего Кавказской

- армией // Россия и Туркмения в XIX в. Ашхабад, 1946. С. 103.
- 60 Овезов Д. Население долины Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад, 1976. С. 38.
- 61 Ломакин А. Указ. соч. С. 94.
- 62 Перевод с письма мервских старшин ко всем почетным лицам Ахала // ЦГА ТССР, ф. И-1, оп. 2, д. 8318, л. 56.
- 63 Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. // Красный архив. М., 1939. Т. 2. С. 211.
- 64 Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3. С. 161.
- 65 Лукман Самосатский. Токсарис / 29, 49.